

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-517-529

Социология как ресурс «разумной силы» в эпоху глобализации*

Я.А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия
(e-mail: nikiforovy@mail.ru)

Современное состояние глобальной социальной системы предполагает принудительное воздействие на национальные сообщества комплекса факторов, обобщенно сводимых в единое понятие глобализации. Результатом социологической рефлексии глобализации стало понимание того, что, наряду с созданием единого экономического, социального, культурного пространства, активизирующего международное взаимодействие, возрастает уязвимость отдельных социальных систем. Самыми популярными в последние десятилетия парадигмами международной конкуренции стали стратегии Дж. Ная: жесткой, мягкой, умной и разумной силы. Квинтэссенцией теоретической концептуализации потенциала «intelligent power» является то, что здесь проявляются ресурсы преимущественно внутренней направленности, что позволяет сконцентрироваться на создании общенациональной мировоззренческой платформы, консолидирующей базовые смыслы социальной системы и цели ее развития. Возможности социологии как ресурса стратегии «intelligent power» заложены в ее экспертном, научно-образовательном, инновационном и дискурсивном потенциале. К сожалению, несмотря на обширную и мощную сеть научно-образовательных учреждений с социологической составляющей, содержащихся на бюджетные, государственные средства, они не работают с полной отдачей в национальных интересах. Социология как единственная из социально-гуманитарных наук, обладающая полным набором теоретико-методологического и методического инструментария, позволяющего добывать и анализировать социальную информацию любой сложности, прогнозировать социальные процессы и явления, может реализовать свой потенциал в следующих областях деятельности в рамках стратегии «разумной силы»: фабрики мысли с пропорциональным участием представителей органов государственного и муниципального управления и социологов могут снабжать власть необходимой информацией, консультировать ее при разработке значимых решений, стимулировать интерес к получению новых сведений, побуждать к инициированию новых обследований, служить площадкой ее взаимодействия с профессиональными исследователями социальной жизни; создание и реализация конкурентоспособных на международном уровне образовательных программ на основе производства новых знаний и оперативного и эффективного внедрения их в учебный процесс; критическая оценка зарубежных идейно-концептуальных разработок с последующим их переформатированием, выработкой собственных идей, конструированием новых социальных парадигм с учетом национальных интересов.

Ключевые слова: социология; глобализация; «разумная сила»; фабрики мысли; дискурсивный потенциал; научно-образовательный потенциал

* © Никифоров А.Я., 2019.

Статья поступила 08.04.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Современное состояние любой социальной системы, так или иначе включенной в международные отношения, неизбежно подвержено воздействию комплекса факторов глобализации. Этот термин диалектически интегрирует как процессы трансформации глобальной экономической системы, размывание роли суверенных государств и повышение роли негосударственных акторов, так и формирование глобального информационно-коммуникационного пространства и борьбу геополитических субъектов за лидерство в нем. Попробуем в ходе краткого экскурса в историю социологии определить специфику социологического подхода к глобализации.

В социальной науке термин «глобализация» начал массово использоваться в 1980-х годах применительно к экономическим процессам. Так, согласно К. Поланьи, одним из самых значимых стало ослабление национальных государств и рынков и доминирование транснациональных рынков [7]. Квинтэссенцией экономического взгляда на глобализацию стала теория «мир-системы» И. Валлерстайна: «Национальные государства являются не обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое» [15. С. 16]. Мир-система — это наднациональное образование с единым разделением труда и множественностью культур.

Собственно социологический взгляд на глобализацию в относительно законченном виде можно проследить по работам Э. Гидденса, У. Бека и З. Баумана. Для Э. Гидденса глобализация — «усиление взаимозависимости социальных отношений, связывающее существенным образом удаленные локальности, вследствие чего события, происходящие в одном определенном месте, могут быть конституированы с помощью того, что происходит за много миль от них, и наоборот» [12. С. 64]. Одним из результатов действия указанного механизма стала «рефлексивность» — рефлексивное усвоение, использование знания и постоянная трансформация социальных практик в зависимости от поступающей информации [3]. Распространение и развитие информационных и телекоммуникационных технологий позволяет человеку активно участвовать в политической, экономической, образовательной, социальной жизни. Как следствие, темпы социальных изменений ускоряются и становятся все менее контролируемыми.

Использование и увеличение знаний о мире делает его менее управляемым и более рискогенным. Основоположник концепции «общества риска» У. Бек под «глобальностью» понимает качественное изменение космополитического самознания, самовосприятия в рамках мирового общества, под которым понимается «общность социальных отношений, которые не могут интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ею» [2. С. 25]. Глобализмом Бек называет понимание того, что «мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность» [2. С. 29]; «речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма» [2. С. 23]. Среди наиболее значимых факторов, воспроизводящих глобальность, Бек выделяет: расширение пространства и экономическую глобализацию; информационную и коммуникационно-техническую революцию; глобальную культуру; постинтернациональную, полицентричную

мировую политику; проблему глобального неравенства. «Глобальность отражает то обстоятельство, что отныне все, что происходит на нашей планете, не сводимо к локально ограниченному событию» [2. С. 27].

По мнению З. Баумана, одним из следствий глобализации является процесс индивидуализации, характеризующий современное западное общество. Он проявляется в утрате контроля над социальными процессами, в неопределенности, в которой вынужден жить индивид, в его неспособности к планированию и достижению долговременных целей и жизненных стратегий [1. С. 49—50]. Все это приводит к кризису коллективных действий и политических институтов [1. С. LXIV].

Итогом социологической рефлексии глобализации стало осознание того, что, наряду с созданием единого экономического, социального, культурного пространства, активизирующего международное взаимодействие, возрастает уязвимость отдельных социальных систем. Возникает постоянное давление на базовые социальные институты и механизмы управления как изнутри, так и извне социальной системы, обусловленное вызванными глобализацией противоречиями, такими как: растущая разница в уровне жизни общностей внутри отдельных государств и между странами; повышение роли негосударственных субъектов управления, «размывание» государственных границ; снижение роли традиционных методов управления и контроля за деятельностью социальных субъектов со стороны государства; всеобъемлющее размывание и унификация ценностей, правовых норм, конвергенция социальных институтов. Мировая социально-экономическая и информационная среда не только интегрируется, но и дифференцируется, повышается степень неопределенности и неустойчивости мировой системы.

Таким образом, изменение условий и контекста международных взаимоотношений требует со стороны государств ответа на основной вопрос: какими ресурсами и механизмами они могут располагать для адекватного и регулируемого взаимодействия в рамках борьбы за улучшение или сохранение достигнутых позиций на международной арене в условиях нестабильности. Международные акторы предпринимают серьезные усилия по формированию стратегий повышения общей эффективности сотрудничества и управляемости отдельных социальных систем и глобальной системы в целом. Самой популярной из таких стратегий стала парадигма «мягкой силы», введенная в оборот в 1990-е годы Дж. Наем [14], прошедшая несколько всплесков популярности и претерпевшая несколько этапов трансформации в теории и на практике.

Изначально концепт «мягкой силы» был выражением интенций американской элиты на замену военно-силового противостояния СССР и США более гибкими моделями международной конкуренции. Кроме США идея «мягкой силы» стала активно использоваться в международных стратегиях, разрабатываемых геополитическими конкурентами «одиноким гегемоном» — ЕС и Китаем [4. С. 149—155]. В России интерес к концепту «мягкой силы» стал проявляться позже — в начале 2000-х годов, в контексте перезагрузки внешнеполитического курса и формирования позитивного образа страны.

Однако в это же время в США развитие идеи «soft power» привело к новой трактовке стратегии международного влияния — возникает концепция «умной

силы». В силу фактического провала попытки реализации США стратегии «soft power» в начале 2000-х годов, направленной на создание привлекательного имиджа супердержавы — гегемона мировой политики, на деле приведшей к военным операциям против суверенных государств и репутационным потерям, стала очевидной необходимость ревизии концепции «мягкой силы» — возникла идея «smart power»: «умная сила» понимается как взаимодействие двух понятий, ранее введенных Наем — «soft power» и «hard power». Принципиально «умная сила» отличается от «мягкой» тем, что не исключает использования военных ресурсов. Тем не менее, несмотря на значительные интеллектуальные, информационные и идеологические усилия, эта стратегия вряд ли может считаться однозначно успешной. Прошло не более десяти лет, как в начале 2010-х годов целенаправленная политика США по дестабилизации неугодных политических режимов (Ливия, Сирия, Украина) привела к тому, что парадигма «умной силы» начинает восприниматься как обоснование манипулятивной внешней политики. Основополагающие принципы концепции «умной силы» оказались дискредитированы. В реальной политике подходы и идеи парадигмы «умной силы» оказались выхолощены: принцип открытости откровенно фальсифицировался, информационные и сетевые ресурсы использовались, главным образом, для мобилизации хаоса и протестных акций, международные программы по решению глобальных проблем превратились в площадку усиления влияния США на принимаемые решения и т.д.

Новым вариантом стратегии невоенных, нежестких инструментов завоевания и отстаивания позиций в международной конкурентной борьбе стала идея «intelligent power», введенная в международный дискурс в 2010 году тем же Наем. Последовавшая в ряде западных и отечественных исследований концептуализация «разумной силы» главным образом была направлена на поиск механизмов и инструментов этой стратегии, исследование особенностей ее применения основными акторами, отличающих новую стратегию от уже устаревших и скомпрометированных «soft/smart power».

Результатом теоретико-методологической разработки концепции «разумной силы» как нового этапа в эволюции стратегий глобального лидерства стало понимание, что существуют различия в целях и ресурсах реализации силы в разных вариациях жесткости в мировой политике. «Жесткая сила» действует в рамках веками отработанных традиционных способов и методов международно-политического влияния: 1) прямое принуждение с помощью военных операций, санкций, деятельности спецслужб, вербовки союзников и создания военных баз и зон влияния и т.д.; 2) шантаж и давление через совершенствование и наращивание систем вооружения — как обычных, так и ядерных; увеличение мощностей оборонно-промышленного комплекса. «Мягкая сила» оперирует ресурсами политической, экономической, культурной и социально-ценностной привлекательности. Пропаганда политической системы действует через официальную, публичную и народную дипломатию, глобализированные СМИ и социальные сети. PR экономического строя реализуется через рост и поддержание благосостояния населения, масштабные мероприятия по достижению экономического роста. Продвижение культурно-ценностного капитала выражается в популяризации элементов национальной массовой культуры в мировом сообществе (национальный язык и литература,

музыка, кино, идеология и пр.). Стратегия «soft power», несмотря на декларируемую «мягкость», подразумевает принудительное принятие внешних и даже чуждых стандартов мышления, стереотипов и паттернов поведения.

«Smart power» как сочетание «жесткой» и «мягкой» силы предполагает синтез их инструментария и базируется на использовании информационных ресурсов и социальных сетей, системы международных СМИ, финансово-валютных механизмов с целью манипулирования — «целенаправленного воздействия на социальную группу для использования ее ресурсного, политического, духовно-нравственного или любого другого потенциала при достижении целей, не отвечающих содержанию объединяющих данную группу собственных интересов или ценностей» внешнеполитическими противниками и «партнерами» [11].

Важно помнить, что все перечисленные стратегии, помимо того, что трудно реализуемы в чистом виде и на уровне реальной внешнеполитической деятельности плохо сочетаются, имеют значимые недостатки с точки зрения применения на российской почве. Во-первых, очевидно, что, сформировавшись в чуждой политической культуре и изначально предназначенные для легитимации американского лидерства, все парадигмы закрепляют американское понимание миропорядка и системы международных отношений. Во-вторых, они утратили актуальность и, главное, понесли серьезные репутационные потери в мировом общественном мнении. В-третьих, конкурентные преимущества России через призму оценки ресурсов трех сил очевидны: в «жестком» сегменте — успехи ОПК, создание вооружений, в разы превосходящих аналоги потенциальных противников; модернизирующаяся армия, успешно решающая сложные задачи; в «мягком» и «умном» сегменте — распространение русского языка и отечественных проектов в Интернете, зарубежное вещание (РТ, «Спутник» и пр.), проведение событий мирового значения — Олимпиады, чемпионата мира по футболу, международных дипломатических и экономических форумов.

Однако простое сложение элементов не дает системного качества, для этого необходимо их упорядочивание в отношении субординации и координации. Пока отсутствует стратегический синтез всех компонентов, элементы внешнеполитической силы будут реагировать на повестку дня, предлагаемую извне, а дипломаты и военные будут с огромным напряжением усилий решать проблемы, актуализированные просчетами в реализации «умной силы». Действенное изменение подхода, новый взгляд подразумевает масштабную комплексную работу над внутренним содержанием — социальным, культурным, гуманитарным, политическим. Чтобы понять, как позиционировать себя вовне, важно осознать свой образ на международной арене. Перед Россией сегодня стоит вопрос осмысления ценностей, которые она готова нести в мир. И в этом ни одна из трех концепций внешнеполитической силы не поможет, поскольку они имеют внешнюю направленность, ориентированы на экспансию (следствие американского происхождения), у них отсутствуют резервы внутренней консолидации и стабилизации социальной системы в интересах внешнеполитического противоборства. И здесь вступают в действие возможности концепции «разумной силы» — и в том виде, в каком они были изложены ее авторами, и, что значительно ценнее, будучи отрефлексированы отечественными обществоведами [9].

Квинтэссенцией теоретической концептуализации потенциала «*intelligent power*» является ее принципиальное отличие от предыдущих версий внешнеполитических стратегий. Ная: помимо уже в той или иной форме фигурировавших (дипломатического, военного, инновационно-технологического потенциала), появляются ресурсы (экспертный, научно-образовательный и дискурсивный) преимущественно внутреннего характера. Совокупность инструментов, составляющих потенциал обозначенных ресурсов, позволяет сконцентрироваться на создании общенациональной мировоззренческой платформы, консолидирующей базовые смыслы социальной системы, цели ее развития (в том числе и в глобальном пространстве), транслируемый вовне образ страны (мотивационная основа международной деятельности). Именно здесь сокрыты не востребуемые и неиспользуемые резервы социального знания. Попробуем разобраться в причинах неучастия и в перспективах включения общественных наук в целом и социологии в частности в разработку и реализацию стратегии «разумной силы».

Начнем с экспертного потенциала обеспечения «*intelligent power*». Сегодня в перенасыщенном глобальном информационном пространстве принятие любого политического решения невозможно без оценки значимости и достоверности, анализа и обработки информации, прогнозирования перспектив развития ситуации. Такого рода деятельность является прерогативой экспертных сообществ, объединяющихся в фабрики мысли. Их деятельность традиционно подчинена задачам подготовки оснований политических и социально-экономических решений, выработки альтернативных подходов к проблемам. Формы функционирования таких аналитических центров разнообразны и ограничены национальными традициями науки и образования, а также формами взаимоотношений с потребителями их продукта — государственными органами и финансово-промышленными корпорациями.

В рамках статьи наиболее значимы государственно ориентированные фабрики мысли, поэтому оставим в стороне независимые аналитические центры, существующие преимущественно на гранты, и экспертные группы, обслуживающие интересы крупного бизнеса. В России с 1980-х годов сформировались многочисленные структуры, учрежденные и финансируемые государством — университеты, институты РАН, информационно-аналитические службы в государственных структурах. В докладе Экспертного института социальных исследований за 2018 год приведен мировой рейтинг отечественных фабрик мысли [5]. Самым успешным стал Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН), присутствуют Московский центр Карнеги и МГИМО. При этом авторы доклада уточняют, что речь идет о внешнеполитическом направлении работы. Среди фабрик мысли, фокусирующих свою деятельность на внутривнутриполитической линии, называются Клуб «Валдай», Фонд Горчакова, Российский институт стратегических исследований (РИСИ). Они не попали в рейтинг, но влияют на политическую повестку в России и за рубежом, обеспечивая аналитикой и широкую общественность, и узкие политические круги.

Деятельность фабрик мысли внутри социальной системы концентрируется на анализе социальной ситуации и разработке политических решений. Ситуатив-

ный анализ как системная деятельность по сбору и осмыслению результатов и проблем государственного и муниципального управления, новых вызовов и рисковенных факторов, угрожающих стабильности и развитию социальной системы, невозможен без использования социологических количественных и качественных методов. Практически все инструменты исследования общественной жизни разработаны и постоянно совершенствуются именно социологией. И при этом социологических фабрик мысли в упомянутом выше докладе нет, а среди 53 фабрик в обзоре «Российские фабрики мысли» [8] представлены только «Группа 7/89» — известное сетевое сообщество социологов-регионалов, имеющее отличные от «think tank» цели и организационные формы, и «Левада-Центр», с недавних пор не вызывающий в силу известных причин доверия к продуцируемой и тиражируемой социальной информации.

В чем же причина неучастия социологов в работе отечественных фабрик мысли? Главная — отсутствие госзаказа на подобную деятельность. Академическая и вузовская социология работает на изучение социальной ситуации в трех форматах. Во-первых, большая часть исследований является инициативной, проводится по темам, связанными с собственным научным интересом ученых (результат — защита выпускных квалификационных работ и диссертаций или публикация статей и монографий, адресованных «широкому кругу читателей», но читаемых, в лучшем случае, узким кругом коллег). При этом палитра тем исследований при всем своем разнообразии совершенно не очевидна с точки зрения востребованности со стороны власти и структур, участвующих в принятии и реализации внутриполитических решений.

Во-вторых, это гранты: если говорить об иностранных грантодателях, то смысл работы заключается или в поставке иностранным фондам обширной социальной информации по их заказу, или развитие отраслей социологии, незнакомых и чуждых отечественной науке. Такие отрасли, изначально будучи симулякрами, благодаря финансовой подпитке начинают приобретать гипертрофированные масштабы и фиктивное содержание, заслонять в повестке конференций и публикаций традиционную тематику и видоизменять как структуру социальных наук, так и общественное сознание. Если говорить о российских фондах, обеспечивающих грантовую поддержку социологических исследований (прежде всего РФФИ), то нужно отметить особенности грантополучения, нивелирующие значимость изысканий для обеспечения внутренней политики: процесс формулирования тематики финансируемых работ, как и процесс рассмотрения заявок, остается непрозрачным (отказ в гранте выглядит просто сообщением о «несоответствии»), гранты в основном получают коллективы столичных вузов, которые обладают высокими показателями индексов цитирования и количества публикаций в международных базах данных, грантовая деятельность организуется без учета насущных потребностей органов государственного и муниципального управления).

В-третьих, это деятельность «некоммерческих», бюджетных социологов в связи с удовлетворением потребностей власти в социальной информации: государственный заказ на исследование в уже сформулированном виде и с готовым техзаданием (зачастую с парадоксально обозначенными целями, задачами, выбором

кой и методами сбора информации и труднореализуемыми сроками) выставляется на аукцион. В результате приходится обращать внимание не на качество сбора и анализа информации, а на букву выполнения контракта. Кроме того, лонгитюдные исследования по одной проблематике могут выполняться в разные годы разными исследовательскими группами (с собственным инструментарием). Так, например, исследование этноконфессиональной напряженности в Саратовской области было проведено в октябре—декабре 2017 года по заказу комитета общественных связей и национальной политики социологами ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», а в 2018 году контракт на исследование по этой же теме, в силу особенностей аукциона, был выигран типографией из Воронежа (результаты этого исследования в общественном доступе так и не появились). Итоги исследований отправляются заказчикам в виде отчетов, которые исчезают в недрах ведомств, изредка на них ссылаются чиновники для подтверждения собственных успехов, однако ни комплексного обсуждения, ни консультаций по результатам работы с погруженными в материал социологами практически никогда не происходит. Фабрики мысли с пропорциональным участием представителей государственных органов и обществоведов (социологов в частности) могли бы не только снабжать власть необходимой информацией и консультировать при разработке значимых решений, но и стимулировать интерес к получению новых сведений, побуждать к инициированию новых обследований, служить площадкой взаимодействия с профессиональными исследователями социальной жизни.

Научно-образовательный и инновационный потенциал социологии в качестве ресурса «разумной силы» актуализируется в способности конкурировать на международном образовательном рынке и в продуцировании инноваций в научной и культурной сферах. Сегодня российская высшая школа при всех ее выдающихся традициях вынуждена функционировать в условиях общемирового образовательного пространства. Несмотря на то, что базовые направления развития образования как инструмента усиления позиций России в культурно-образовательном пространстве уже реализуются в рамках «Основных направлений политики России в области международного культурно-гуманитарного сотрудничества» [6], негативные тенденции пока сохраняются. Если Советский Союз занимал второе место по числу иностранных студентов в мире, то сейчас Россия находится лишь на девятом месте, привлекая в основном студентов из развивающихся стран и СНГ. Наибольшее количество иностранных студентов приезжают из Казахстана, Китая, Киргизии и Белоруссии, Индии, Вьетнама, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Украины [10], а наиболее востребованы естественнонаучные направления: математика, физика, биология, химия. Социально-гуманитарное образование остается малопривлекательным для иностранных студентов, но и отечественными абитуриентами не рассматривается в качестве стратегии жизненного успеха.

И, наконец, дискурсивный потенциал социологии в стратегии «разумной силы» предполагает способность конкурировать в идейно-концептуальном пространстве развития социальной системы. Главной составляющей дискурсивного потенциала являются научные ресурсы, позволяющие осмысливать и критически

оценивать внешние и, как правило, некомплиментарные идейно-концептуальные разработки, что предполагает определение смысловых элементов зарубежного социально-философского, социально-ценностного, концептуально-социологического дискурса и их критический анализ для выявления его идейной направленности и потенциального влияния на отечественное общественное мнение и социальную науку. Предположительно далее интеллектуальный ресурс социологии реформатирует полученные результаты с выработкой собственных идей, конструируя новые парадигмы с учетом национальных интересов.

Итак, реализация научно-образовательного, инновационного и дискурсивного потенциала социологической науки в качестве ресурса «разумной силы» требует конкурентоспособных на международном уровне образовательных программ, реализуемых высококвалифицированным и мобильным академическим составом, мощной теоретико-методологической базы науки (и подкрепляющей ее эмпирики), способной противостоять идейной экспансии и внедрять собственные социальные концепции, обосновывать и продвигать оригинальные парадигмы развития общества. К сожалению, говоря об отечественной социологии, мы можем только констатировать причины отсутствия необходимых составляющих и обозначить перспективы их развития. В современной России статус социологии в общественном сознании чрезвычайно низок. Ее достижения остаются неизвестными и невостребованными даже со стороны тех, кто ежедневно имеет дело с общественными явлениями и процессами. Причиной низкого престижа нашей науки является интеллектуальный застой, хотя массово издаются книги и журналы по социологической проблематике, в каждом вузе страны существуют социологические факультеты, кафедры и центры, диссертационные советы, ежегодно выпускающие сотни дипломированных и остепененных специалистов. Однако отсутствуют самостоятельные эмпирически подтвержденные теоретические концепты, утверждающие оригинальный и позитивный взгляд на социальную реальность, дающий возможность ставить и решать практические и исследовательские задачи.

Причины подобного зстоя неоднократно декларировались и обсуждались. Некоторые из них более явные — отсутствие систематических дискуссий между социологическими школами, несущественность взаимодействия между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками, общее снижение уровня научной квалификации, засилье начетнической наукометрии как основной оценки научного творчества, поощрение в интересах повышения рейтинговых оценок многочисленных малосущественных публикаций, отсутствие стимулов долгосрочных трудоемких исследований и пр. Другие — более латентные, и прежде всего это утрата аутентичного идейного капитала: каждое новое направление теоретико-методологической моды (как правило, западное) почти обесценивает начала оригинальных исследований. При этом сохраняется общий базис негативного характера: обществоведы с единомыслием, несвойственным в отношении других дискуссионных вопросов, выступают против общенаучного подхода (пренебрежительно именуемого «позитивистским линейным мышлением», «наследием истмата» и т.д.) к выявлению закономерностей общественной жизни и закреп-

лению их в эмпирически проверяемых теориях. Сегодня социологию называют мультипарадигмальной системой знания, в которой сосуществуют и соперничают разные концепции развития науки. Главная проблема заключается в том, что социологии не удастся обосновать единое основание научного знания. Отсутствуют даже попытки создать такой фундамент, обреченно предлагается признать теоретический и методологический плюрализм социологии. Довольно странно, что в естественных науках ученые принимают созданные до них теоретические позиции в качестве основания и продвигают науку дальше, а в обществоведении деятели науки склонны пренебрегать прежними парадигмами, заявляя собственную альтернативную позицию.

В общих чертах известно, какие составляющие должны присутствовать в композиции успешного теоретического построения, но в отечественной общественной науке большинство из них если и проявлены, то в эфемерном состоянии. Во-первых, постоянное опытное изучение разнообразия социальных явлений — сложная и кропотливая работа, не дающая быстрого и видимого результата. Часто преобладает подход, декларирующий уникальность эмпирического материала, и на этом основании провозглашается невозможность поиска аналогий, а, следовательно, априорная безуспешность установления закономерностей. Во-вторых, опора в осмыслении многообразия социальных явлений на теоретические результаты прошлых исследований усугубляется незначительным накоплением общезначимых теоретических результатов: не на что опираться и нечего проверять, и общие операционализируемые гипотезы не формулируются. И, наконец, исследовательская цель, направленная на познание общих закономерностей, причин и механизмов социальных явлений и процессов в социальных науках не ставится.

Впечатляющие научные достижения стали возможны в первую очередь потому, что общество сформировало на них запрос и оплатило его. Пусть этот социальный запрос главным образом был обусловлен интересами государства, но сегодня очевидно, что это касается не только наук, напрямую обеспечивающих потребности безопасности и экономического развития. Спрос на решение макросоциальных задач имеет сейчас критическое значение для развития общества и наук о нем. Без опоры на общественные науки не может быть подлинной самостоятельности, суверенитета страны, социальная система, не опирающаяся на собственные общественные науки, в лучшем случае не в состоянии эффективно развиваться, в худшем — оказывается в плену чуждых предрассудков и мифов, становится объектом враждебных идеологических манипуляций. Причем социальный заказ на общественные науки всегда носил идеологическую окраску: его смысл заключается в мобилизации их идей, концепций и методов для обоснования того, что установленный социальный порядок законен, справедлив и рационален. Социология изначально создавалась ее отцами-основателями как идеология современной им социальной системы. Идея общества была интегрирована с реальностью национального государства, поэтому в классической социологии общество практически является псевдонимом родины, а человек рассматривается, в первую очередь, как гражданин. Последняя гранд-теория социологической классики — парсоновская социология — обосновывала статус США как наиболее могущественного государства современности.

Социальный и геополитический перелом конца XX века в нашей стране сделал невозможным социальный заказ на направления исследований, не вмещающиеся в прокрустово ложе рыночной идеологии и либерализма. Сегодня по-прежнему отсутствует ясный и адекватный социальный заказ на общественные науки со стороны государства, поэтому возникает старый, как мир, но постоянно дискутируемый вопрос об идейной нейтральности социологии. Трюизмом является тезис, что в любом обществе власть и бизнес-элиты стремятся подчинить себе деятельность социологов, превращая их в социальных инженеров и мастеровых социологических опросов, и любая социальная система стремится нанести ущерб объективности социального знания. Известны и ответы на эти нападки: социология искажается потому, что социологи — участники социальной жизни, социолог, как и все остальные, в процессе социализации усваивает множество предпосылок, которые в дальнейшем оказывают влияние на его мышление и предрасполагают к тем или иным онтологическим и аксиологическим ориентациям. В обществе работа социолога в принципе не может быть свободной от ценностей. Любое социологическое исследование «искажает» социальный мир, ибо в основе любого исследования лежат те или иные идейно-ценностные установки и точка зрения.

Представляется, что выход из этой ситуации заключается в «манифестации» ценностей, их провозглашении. Общественные науки в целом и социология в частности не должны пребывать в удобной позиции критики общества, они должны стремиться к тому, чтобы создавать позитивные образы будущего, реализация которых позволяет развивать и совершенствовать социальную систему. Социология хранит в своем интеллектуальном багаже множество позитивных ценностно значимых теоретических конструкций. Социологическая классика актуальна и современна, поскольку ее универсальные модели успешно работают на разном материале. Никогда русские социологи и социальные философы не писали о ценностной нейтральности социального знания. Напротив, главной чертой отечественного обществоведения всегда было желание содействовать прогрессу, стремление создать лучший социальный мир. У социологии в России сложилась непростая судьба, но диапазон исследовательских интересов дореволюционных социологов был чрезвычайно обширен, они писали буквально обо всем, что и сегодня формирует актуальную проблематику науки, и достигали значительных теоретических результатов. История советской социологии также не состояла только из фетишизации исторического материализма. Недаром А. Гоулднер, описавший во второй половине XX века основные параметры наступающего кризиса западной социологии, в качестве одного из путей выхода из него предлагал творческую реконструкцию марксизма как учения, доказавшего свою практическую и теоретическую состоятельность [13]. Вполне возможно, что создание теоретико-методологической основы дальнейшего развития нашей науки возможно на базе практически значимого переосмысления социологических теорий как дореволюционной, так и советской классики.

Библиографический список

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2002.
- [2] Бек У. Что такое глобализация. М., 2001.

- [3] *Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л.* Теория общества Энтони Гидденса // *Современные социологические теории общества*. М., 1996.
- [4] *Лю Цзайци.* «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // *Политические исследования*. 2009. № 4.
- [5] Интеллектуальная экспансия. Российские «фабрики мысли»: возможности влияния в международном экспертно-политическом пространстве // <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2018/03/doklad-think-thanks-eisr.pdf>.
- [6] Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества // http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550.
- [7] *Поланьи К.* Великая трансформация. М., 2007.
- [8] Российские фабрики мысли // <http://www.sitnikov.com/materials/rossijskie-fabriki-mysli>.
- [9] *Столетов О.В.* Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства: автореф. дис. ... к.п.н. М., 2015.
- [10] *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCFAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44>.
- [11] *Фельдман Д.* Охлос в сети мировой политики // <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/1126>.
- [12] *Giddens A.* *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990.
- [13] *Gouldner A.W.* *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. N.Y., 1980.
- [14] *Nye J.* *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. N.Y., 1991.
- [15] *Wallerstein I.* *The present state of the debate on world inequality // The Capitalist World-System: Essays*. Cambridge-Paris, 1979.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-517-529

Sociology as a resource of “intelligent power” in the globalization era*

Ya.A. Nikiforov

National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
Astrakhanskaya St., 83, Saratov, 410012, Russia
(e-mail: nikiforovy@mail.ru)

Abstract. The current state of the global social system assumes a compulsory external impact on the national communities of a complex of factors defined in social science as “globalization”. Together with the creation of the general economic, social, cultural space that intensifies the international interaction, globalization increases vulnerability of separate social systems. In recent decades, the strategies of J. Nye have become the most popular paradigms of the international competition: hard, soft, smart and intelligent power. The essence of the theoretical conceptualization of the “intelligent power” is that it is based mainly on internal resources and allows to focus on developing the national worldview platform consolidating basic meanings of social system and goals of its development. The possibilities of sociology as a resource of “intelligent power” are in its expert, scientific-educational, innovative and discursive potential. Unfortunately, despite its extensive and powerful network of the scientific-educational institutions financed from

* © Ya.A. Nikiforov, 2019.

The article was submitted on 08.04.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

the budgetary funds, sociology still does not work in national interests. Sociology is the only social science with a full set of theoretical and methodological tools to gather and analyze social information, to predict social processes, and to work for the following spheres of “intelligent power”: think tanks with the participation of sociologists can provide authorities with necessary information, consult them on important decisions, stimulate interest in obtaining new data and starting new studies, serve as a platform for the interaction with professional researchers of social life; introducing educational programs competitive at the international level and based on the production of new knowledge and its effective use in the educational process; critical evaluation of foreign ideologies and conceptions with the subsequent development of one’s own ideas and new social paradigms taking into account national interests.

Key words: sociology; globalization; “intelligent power”; think tanks; discourse; scientific-educational potential

References

- [1] Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [2] Beck U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is Globalization?]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [3] Kimelev Yu.A., Polyakova N.L. *Teoriya obshchestva Antony Giddensa* [Anthony Giddens’ theory of society]. *Sovremennye sociologicheskie teorii obshchestva*. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [4] Liu Zaiqi. “Myagkaya sila” v strategii razvitiya Kitaya [Soft power in the development strategy of China]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2009; 4 (In Russ.).
- [5] *Intellektualnaya ekspansiya. Rossijskie “fabriki mysli”*: *vozmozhnosti vliyaniya v mezhdunarodnom ekspertno-politicheskom prostranstve* [Intellectual expansion. Russian “think tanks”: Possibilities of influence in the international expert-political space]. <http://ruspolitology.ru/wp-content/uploads/2018/03/doklad-think-thanks-eisr.pdf> (In Russ.).
- [6] *Osnovnye napravleniya politiki RF v sfere mezhdunarodnogo kulturno-gumanitarnogo sotrudnichestva* [The main directions of the Russian policy in the international cultural and humanitarian cooperation]. http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6B6BZ29/content/id/224550 (In Russ.).
- [7] Polanyi K. *Velikaya transformatsiya* [Great Transformation]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [8] Rossijskie fabriki mysli [Russian think tanks]. <http://www.sitnikov.com/materials/rossijskie-fabriki-mysli> (In Russ.).
- [9] Stoletov O.V. Strategiya “razumnoj sily” v politike globalnogo liderstva [The strategy of “intellectual power” in the policy of global leadership]: Avtoref. dis. k.p.n. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [10] Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument “myagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii [Education as the tool of “soft power” in the Russian foreign policy]. <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=DBCAFE0C-DAD8-6FAE-48F4-57A948C3CB44> (In Russ.).
- [11] Feldman D. Ohlos v seti mirovoj politiki [Ohlos in the network of world politics]. <http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/1126> (In Russ.).
- [12] Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford; 1990.
- [13] Gouldner A.W. *The Two Marxisms: Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. New York; 1980.
- [14] Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York; 1991.
- [15] Wallerstein I. The present state of the debate on world inequality. *The Capitalist World-System: Essays*. Cambridge-Paris; 1979.